18+

НИКОЛАЙ БРЕДИХИН

Эва

Роман в рассказах и письмах

Николай Бредихин

Эва. Роман в рассказах и письмах

«Издательские решения»

Бредихин Н.

Эва. Роман в рассказах и письмах / Н. Бредихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859579-0

Адам, Лилит, и где-то на горизонте уже просматривается Ева. О простофилях, хищницах и грядущих безумных фуриях.Новая книга писателя Николая Бредихина «ЭВА» представлена в необычном жанре романа в рассказах и письмах. Тема — любовь: от полного её отсутствия в жизни человека, когда глубочайшее чувство к самому себе заполняет всю его личность, до тонких и нежных оттенков в отношениях между людьми, не чающими души друг в друге.Чувства, эмоции, страсти.

ISBN 978-5-44-859579-0

© Бредихин Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая 6
Фанатка 7
Часть вторая 21
Эва и Мастер 22
3. Эва — Мастеру 23
4. Мастер — Эве 25
5. Эва — Мастеру 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Эва
Роман в рассказах и письмах

Николай Бредихин

Автор и дизайнер обложки Кирилл Бредихин

© Николай Бредихин, 2026

ISBN 978-5-4485-9579-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Фанатка

Натуралистический рассказ

Мастер

Что есть истина?
Ин. 18, 38

Ни слова правды,
Ни слова лжи.
Так
И пиши.

1

— Ого, мы опять вдвоём! — усмехнулась Алла, соседка Мальгина, взяв в руки меню. — Ну, с Диной всё ясно, в Минск на экскурсию укатила, а вот с Лилей что, опять в своём репертуаре? Странная вы всё-таки пара, Игорь Анатольевич, не обижайтесь, бога ради, на мою бесцеремонность. Жена вам рога наставляет с кем ни попадя, а вы прогуливаетесь по берегу озера как ни в чём не бывало, местными красотами любуетесь. Интересно, у вас и дома такие отношения? Свободная любовь? Мораль: не женитесь на молодых. Как хоть вас так угораздило вляпаться? Вроде на олигарха вы не похожи.

Мальгин не обиделся, а скорее удивился. Шёл уже третий день их знакомства, но всё это время Примадонна (так за глаза называли Нартову) с соседями по столу держалась обособленно, даже высокомерно, хоть и конфликтовала постоянно с персоналом. А тут вдруг прорвало. Однако отношения портить не хотелось, путёвка на две недели, зачем отдых раньше времени отравлять? Его явно провоцируют, и надо сдержаться, не поддаться эмоциям. — Лиля мне не жена, — спокойно, как мог, ответил он. — Я, вообще-то, холост. Точнее, разведён.

— Вдвойне глупо, — пожала плечами Нартова. — Позволять так издеваться над собой любовнице!

— Она и не любовница.

Алла задумалась ненадолго, потом сдалась, запросила подсказку:

— Странно. Не жена, не любовница — кто же тогда?

— Фанатка.

— Фанатка? — Прима оживилась. — Ну, Игорь Анатольевич, с вами не соскучишься. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Ладно, попробуем разгадать вашу головоломку. На футболиста, хоккеиста вы не похожи: возраст не тот. Певец, актёр какой-нибудь сериальный?

— Незачёт, промазали, просто писатель.

— Ах, просто писатель, — скривила губы Алла. — То есть и не писатель вовсе. Кропаете что-нибудь в интернете?

— Нет, я уже три года как профессионал, хоть и малоизвестный. Издаюсь в Канаде. Мои основные читатели — русскоязычная диаспора в самых разных уголках мира. В России я и в самом деле всего лишь «кропатель-сетевик».

— Понятно, — вздохнула соседка и сосредоточилась на еде. Затем, чтобы не дать угаснуть разговору, перевела его на другую тему: — Не устаю удивляться, какие здесь продукты свежие! Ни дать ни взять, непонятно каким образом сохранившийся заповедник социализма. Хотя и на СССР не совсем похоже: дороги прекрасные, чистота идеальная, преступность практически на нуле. А главное, люди спокойные, доброжелательные. Чудеса, да и только! Один

минус: живут бедно. Хотя, конечно, не было бы у нас, в России, нефти и газа, мы бы вообще погрязли в нищете.

Она немного помолчала, затем тряхнула головой. Чувствовалось, что работа мысли в ней ни на секунду не замирала.

— И всё-таки никак в толк не возьму. Фанатка… Объяснили, называется! Нельзя ли поподробнее?

У Игоря не было никакого желания заниматься просветительством. Тем более что человеку со стороны совершенно невозможно было разобраться в их с Лилей творческой кухне.

— Вы настолько любопытны? — спросил он в смутной надежде, что бессмысленный, пустой разговор, уже начинавший раздражать его, в итоге иссякнет. Но соседка явно неслучайно снизошла до жалкого «сетевика», сидевшего рядом: чувствовалось, что скука окончательно её достала.

— Нет, просто во всём люблю ясность.

— А, понятно. Тогда объясняю. — «Ладно, потерпим ещё немного, ликбез так ликбез», со злостью подумал Мальгин. — Практически у каждого из нас, «кропателей, широко известных в узких кругах», есть тот же набор, что и у больших, даже великих писателей: читательницы, которые иногда забредают на наши странички и заинтересовываются произведениями, размещёнными там. Поклонницы, которым нравится наше творчество. Они читают и перечитывают, иногда по нескольку раз, всё, что нами написано. Ну и фанатки — им куда больше важен факт известности, значительности их кумира. Особенно грешат этим поэтессы. Чем-то или кем-то нужно ведь вдохновляться, чтобы свои вирши на-гора выдавать. Вот они и придумывают разные виртуальные романы, засыпают нас посланиями с такими порой откровенными подробностями, что монитор от смущения краснеет. Причём таких «кумиров» у них может быть неограниченное количество, насколько души и времени хватает. Каждый раз, когда появляется очередная подобная гостья, я говорю себе: «Парень, у тебя проблема!» — и встаю в боевую стойку. Для меня всегда было неразрешимой загадкой: что влечёт ко мне этих девушек, женщин? Ведь большинство из них не имеет ни малейшего желания углубляться в моё творчество, ограничиваясь прочтением пары-тройки, в лучшем случае десятка, моих произведений. Но однажды меня осенило: никто, в том числе и самые большие знаменитости, не застрахован от того, чтобы его выбрали духовным или душевным донором. Он просто не в состоянии такое запретить. Да и нужно ли запрещать? Всё, что я делаю в таких случаях, — бережно и уважительно стараюсь перевести отношения в нейтральные, ну или хотя бы в дружеские. Как правило, дальше следует неизбежный разрыв, и эти девушки, женщины переключаются на кого-нибудь другого. Я не знаю, по каким признакам Лиля выбрала меня. Скорее всего, из-за фотографии двадцатилетней давности, где ещё что-то сохранилось от моей прежней завлекательности. Слово за слово — решили мы с ней встретиться в реальной жизни. Опрометчивый, конечно, поступок. Но она была на грани: муж — пьяница, двое детей, маленький городишко в сибирской глуши, в стихах порой такая тоска изливалась, что дрожь пробирала. Я взял отпуск, купил две путёвки сюда, на озеро Нарочь, но уже в Москве, при встрече на Белорусском вокзале, Лиля испытала шок, когда увидела меня. Она представляла себе своего кумира совсем другим. Однако делать было нечего, не возвращаться же обратно? Я сразу обо всём догадался и, чтобы разрядить ситуацию, едва только поезд отошёл от платформы, объяснил своей несостоявшейся «подружке»: то, что мы будем жить в одном номере, ровным счетом ничего не значит — она может строить свою личную жизнь по приезде в санаторий так, как ей заблагорассудится. Ну а дальше… вы и сами видели: дорвалась девочка до удовольствий, слетела с катушек.

— Ясно, — кивнула Нартова, на сей раз вполне удовлетворённая столь пространным объяснением.

Мальгин стиснул зубы. От спокойствия его не осталось и следа. Ах, гордость проклятая! Не удержался всё-таки! Понесло!

— Ясно? А вы сами? Сплошная загадка, между прочим. Бизнес-леди! Хо-хо! С нами, простыми смертными, да за одним столом? Это как понимать?

Алла, ещё ни о чём недобром не подозревая, кокетливо усмехнулась:

— Не отнять, Игорь, — вы догадливы! Предлагаете обмен — тайна на тайну? Что же конкретно вас во мне смущает?

Мальгин придирчиво оглядел свою собеседницу.

— Всё. Одежда модная, брендовая, хоть и неброская. Кожа ухоженная. Косметика дорогущая. Парфюм — вообще отдельная тема. О лечении тоже речь не идёт — ни одной процедуры не посетили. Какая уж тайна! Избитый сюжет!

Алла насторожилась, переменилась в лице. Глаза её сверкнули. Только сейчас до неё дошло, что собеседник давно уже не шутит, а тем более не заигрывает с ней.

— Избитый? И в чём же? — холодно поинтересовалась она.

— Мадам желает забеременеть. Я в точку попал?

Еда была забыта, маски сброшены, в лице Примы проглянула с трудом сдерживаемая ярость.

— Ладно, допустим. Нельзя ли подробнее?

— А нужно ли? — в тон своей визави, так же холодно ответил Мальгин. — Я ведь просто «кропатель», Алла Дмитриевна, дорогая, вы не забыли? Не хотелось бы вас обижать. Как говорят в таких случаях: у каждого свои скелеты в шкафу. Зачем к чужому человеку без крайней надобности в душу лезть?

Нартова отложила вилку в сторону. Аппетит начисто пропал. Ярость переросла в гнев, она уже больше не сдерживалась.

— Вообще-то я не привыкла, чтобы со мной разговаривали в таком тоне.

— Вообще-то вы сами напросились. — Злость выветрилась, и теперь Игорь просто не знал, как ему достойно выйти из создавшегося положения. Не хотелось оставаться без ужина, в номере у него не было даже чайника. Разве что пересесть?

Он огляделся в поисках свободного места. Но почему-то никто не спешил их освобождать. Все пребывали в расслабленном, благодушном настроении после напряжённого «лечебного» дня. И всё-таки пора было убираться отсюда.

— Сидеть! — услышал он вдруг сдавленный властный голос, как будто приказывали собаке.

«Э нет, переоценила ты себя, хозяюшка, слишком слаб поводок».

— Ладно, — улыбнулся Игорь, стараясь выглядеть как можно добродушнее, — пойду-ка я в свой номер, пожалуй. Там у меня чаёк свежий заварен, по телевизору передачу интересную обещали. Да и Лилечка, заинька моя, наверняка вернулась, заждалась меня.

Он встал, расшаркался, продолжая сиять лучезарной улыбкой:

— Счастливо оставаться! Приятного аппетита! До завтра!

Игорь и сам не мог понять, с какой стати он вдруг поддался эмоциям. Конечно, дать щелчок по носу высокомерной столичной барыне — святое дело, и тем не менее… Мог бы и сдержаться, ускользнуть от конфликта. Собственно, были два момента, которые его подвигли на обострение: то, что так нелепо получилось с Лилей и что его обозвали «кропателем». Но, в принципе, ведь не отнимешь, и в том, и в другом случае — что есть, то есть. Лиля, конечно, ни в чём не виновата, удивила её реакция. Ну, не понравился человек — и не понравился, но ведь не урод же? Игорь давно уже не пользовался феноменальным успехом у представительниц слабого пола, но и совсем без женщин тоже никогда не оставался. А «писателя может обидеть каждый». Мало, что ли, он в своей жизни пренебрежения да презрения вынес?

Мальгин поднялся на второй этаж к своему номеру — так, на всякий случай, ожидая обнаружить на двери табличку «Не беспокоить», как они с Лилей и договаривались. Но как ни странно, соседка-«фанатка» оказалась на месте.

Игорь постучал, а когда ему открыли, пробормотал смущённо:

— Забежал на всякий случай, хотел ноутбук взять.

— И зачем тебе его брать? Можешь в номере поработать, — зачастила в разговоре Лиля, тут же скрывшись в душе. — Меня в ресторан пригласили, я даже обедом, чтобы аппетит не перебивать, решила пожертвовать. Как у тебя дела?

— Да вот по глупости ухитрился сцепиться с Примадонной, — неохотно отозвался Игорь, — достала она меня всё-таки. Ты как, не будешь возражать, если я завтра попрошу администратора зала пересадить меня куда-нибудь подальше от вас?

— Нет, разумеется, — рассмеялась Лиля. — Меня от неё тоже давно тошнит.

Она вышла к Игорю и прошлась перед ним в новом платье.

— Как тебе? Здесь, в Минске, купила. По-моему, идёт?

— Тебе всё идёт, — подластился Игорь. — Я, надеюсь, мы помирились?

Лиля сморщила носик.

— Да, собственно, мы и не ссорились. Просто судьба. Я такого мужичка встретила — крышу сносит. Конечно, понимаю: здесь, на отдыхе, все они холостые, влюбленными прикидываются, но мне всё равно. Хоть немножечко счастья отхвачу — до конца дней потом будет что вспомнить. Кстати, там женщина одна приглашала меня к себе, у неё место за столом должно освободиться. На тебя запала, расспрашивала: кто да что? Могу сосватать. И с местом не надо просить, чтобы пересадили. Зовут Лизонькой, сама из Калуги, разговорчивая, весёлая, характер наидобрейший. Может, и тебе счастье Боженька посылает?

Игорь пожал плечами:

— А что? Почему бы и нет?

Озеро было огромным, как море, даже противоположного берега не было видно. Сосны вокруг на много километров. Соответственно, воздух. Совсем не как дома. Игорь покопался в памяти, пытаясь оживить в ней: когда же он отдыхал в последнее время? Вышло — лет пятнадцать тому назад.

— Ну и как Лилечка? Вернулась? Или у вас график? Уже через часок ваша зазноба появится? Ах да, я совсем забыла, ваш возраст! Какие уж тут зазнобы!

Мальгин угрюмо промолчал. Он понимал, что «липучка» теперь от него не отстанет, пока не добьётся своего. Сопротивляться было бесполезно, разговор во всех случаях надо было доводить до конца.

Он поднялся со скамейки и не спеша пошёл по асфальтированной дорожке вдоль озера, не сомневаясь, что Прима последует за ним.

— Ладно, — вздохнула та. — Поговорим серьёзно. Я задела вашу профессиональную гордость, приношу свои извинения. Так что, продолжим? Только, ради бога, обойдёмся без излишних словоизлияний. Вернёмся к той точке, в которую вы так удачно попали. Как догадались?

Игорь вздохнул, но выхода не было, как только говорить совершенно незнакомому человеку в лицо столь малоприятные вещи.

— Я же сказал: избитый сюжет. Не вы первая, не вы последняя. По молодости я много путешествовал и сталкивался с подобными вещами постоянно: кто-то из женщин приезжал душу с другими «мужчинками» отвести, свой надоел смертельно, а то и вообще сошёл с дистанции (моя Лилечка — как раз тому наиярчайший пример), другие — с девственностью расстаться, третьи, как вы, хотели забеременеть.

— И что, помогали, по мере сил и возможностей? — язвительно, с плохо скрытой ненавистью уточнила Нартова.

— Как вам сказать, — усмехнулся Мальгин горячности всё ещё «Примадонны», — это только со стороны кажется, что все мужики сволочи, самцы да козлы, а на самом деле… Ну кому, к примеру, нужна дорвавшаяся до свободы подстилка? Нет, желающие, конечно, найдутся, но порядочный мужчина даже не взглянет, мимо пройдёт — зачем грязь собирать? Девственность… Как метко выразился один мой приятель, работа трубочиста не каждому по нутру. Да ещё грех на душу брать! Не говоря уже о том, что коли крепость столь долго была неприступной, то там цемент, гранит, то есть удовольствия ноль, а намучаешься так, что легче даже не вагон, а целый состав разгрузить. А уж ребёнок на стороне — совсем идиотом надо быть, чтобы на такое решиться. И ответственность большая, и алименты могут припаять, да и в открытый космос без скафандра придётся выходить, а это весьма чревато: СПИД, гепатиты разные, ещё по мелочи много чего — к примеру, ВПЧ — вирус папилломы человека. Конечно, повторяю, среди нашего брата, мужчин, полно людей безалаберных, всеядных, но с ними-то как раз и не интересно. Я как-то на теплоходе девушку встретил, которая третий год ездила в поисках, кому бы самое дорогое, что у неё есть, подарить и ребёночка родить, да не тут-то было.

Игорь посерьёзнел.

— Ладно, вы просили «без лишних словоизлияний». Что тут можно сказать? Вам ведь под сорок, Алла Дмитриевна? Не поздно ли спохватились? Понимаю, так жизнь сложилась: наверняка из провинции, приехали Москву покорять, шли на всё, чтобы сначала сделать карьеру, затем деньжонок подзаработать. Фирма… Да тут не фирма наверняка — холдинг какой-нибудь, хватка у вас бульдожья, на мелочи вы, как я полагаю, не разменяетесь. В один прекрасный момент задумались: дальше что? Надо семью создавать. Подобрали мужичка, небогатого, но серьёзного, рабочую лошадку. Договор брачный так составили, что в случае развода остался бы мил дружочек практически ни с чем. И всё бы хорошо, а ребёночка-то нет как нет. На второй год забеспокоились: кто виноват? Врачи — а обошли вы их, судя по всему, немало — в один голос принялись уверять: не беда, подлечим, поможем, в крайнем случае, передовые технологии подключим, всё-таки XXI век на дворе. Продували, промывали — ничего не помогло, а передовых технологий не хотелось. Выяснилось, что дело не в вас: муженёк с дефектом оказался. Пришла мысль нагулять ребёнка на стороне. Но с кем? Сами беспородная, а империю-то свою на крутые мозги нужно оставить. Потом уж на любой вариант были согласны, да ни с кем всё равно не получалось. Мистика! Как заколдовал кто-то. Уж на этот раз в самую глушь забрались, но трёх дней хватило, чтобы понять: Его здесь нет, а с кем попало нечего и пытаться — было уже. Как, слушать ещё не надоело? Целый роман ведь вам рассказал. Так что, мы квиты? По нулям? Без обид?

Алла кивнула:

— Да, надоело. Пора по номерам расходиться.

Мальгин проворчал с облегчением:

— Ну вот, даже здесь мои романы никому не нужны.

2

Много ли человеку нужно для счастья? Всего лишь другой человек. И чтобы было с ним легко и комфортно. И говорить, говорить без устали, вкладывая в каждое слово особый, лишь двоим понятный, тайный смысл. Никаких обязательств — ни перед самими собой, ни друг перед другом, просто немножечко, как у Лили, счастья на двоих. Ну и, конечно, надежда, крохотная, — как без неё? Что кто-то вдруг согласится разделить с ним его нелёгкую долю. Жена писателя — это сейчас почти как жена декабриста. Никаких плюсов, одни минусы.

Вот только зачем забираться в такие дебри? Что там было намечено? Отдохнуть в кои веки, ненадолго переключиться. Да и подлечиться: хоть и плохонький, а всё-таки санаторий. Можно считать, что программа полностью выполнена.

Что ещё? Творческий кризис? Нет его. Просто движение немного застопорилось. Три года назад, распрощавшись со всеми видами подработок, Мальгин как на крыльях летел. Что, пороху не хватило? Или возраст начинает сказываться? Эх, если бы знать! А пока можно и расслабиться. Старт с «декабристкой», во всяком случае, получился бешеный. «Спасибо тебе, Боженька, что не забываешь меня!»

— Привет, как дела? Ходила к врачу?

— Ходила, но не знаю, будет ли толк? Кашель пока никак не проходит. Лекарства новые выписали, продиктовать?

— Да, записываю. Сама не покупай, я посмотрю вкладыши в интернете и, если есть смысл, куплю здесь настоящие, не подделку. Работу так и не нашла?

— Да нет, откуда?

— Вот чудеса! Даже уборщицы никому не нужны! И что делать собираешься?

— Подожду пока. Там видно будет.

— Как в моей квартирке, всё в порядке? Забегаешь иногда цветы поливать?

— Да, и ещё пыль гоняю. Ты-то как?

— Кошмар! Лечение никудышное, главврач — старуха, терапевт старой закалки, в кардиологии, соответственно, ни уха ни рыла не смыслит. Так, процедур набрал, хожу потихоньку. Бассейн каждый день, сосновым воздухом дышу. Соскучился очень.

— Я тоже. Жду не дождусь.

— Наконец-то! Привет, Олежек! Никак не могу запомнить, в какую сторону переводить семь часов разницы между нашими поясами. Что скажешь? Какие новости?

— Ну, по девятой книге вёрстка практически завершена. На днях получишь её для правки. Шёл разговор о новом контракте. Боюсь, переметнуться не удастся: Алекс уже напоминал два раза. Что будем делать? Опять откажем немцам?

— Трудно сказать. Шило на мыло менять… Что нам даст перевод на немецкий? Практически ничего. А тут мы уже три года сотрудничаем, притёрлись друг к другу. Хотя, конечно, маркетинг у ребят совсем на нуле. И с раскруткой они явно не торопятся. Как там наш Даниэль?

— Нормально. В садике сейчас. Фотографии последние ты, надеюсь, получил? Кстати, готовы результаты наисвежайшего УЗИ: внучка, па, поздравляю. Анжеликой решили назвать. Как ты, не возражаешь?

— Да, и такую новость ты напоследок берёг? До инфаркта старика своего хочешь довести? Но ложку дёгтя я всё-таки добавлю тебе: младшенького брата ты так и не догнал. Там, в Торонто, пополнение в семье опять намечается. Кстати, а Полина где?

— В университете, где же ей ещё быть? Грызёт науку.

— Хорошо, завтра в другое, более удобное, время свяжусь.

— Ну и техника у вас! Ноутбук совсем допотопный. Что, сынки папуле не могут планшет, хотя бы простенький, подарить? — с иронией поинтересовалась Алла. — Смотрю, и Wi-Fi нет в номере, приходится в холл спускаться.

Мальгин с досадой поморщился, затем повернулся к Нартовой и выключился из сети.

— Что делать, Wi-Fi здесь только в люксах. Сами же сказали: страна бедная.

— И смартфона нет. Подружке, смотрю, звонили по мобильному.

Игорь рассмеялся.

— Ну, подруга моя ещё круче меня будет, какой там смартфон, даже мобильник не признаёт, на домашний телефон звонить приходится.

— Сколько же ей лет, интересно? Сто? Двести?

Мальгин кивнул:

— Почти угадали. Год как на пенсии.

— Ясно. — Нартова скучающе огляделась по сторонам. — А мне вот в номере сидеть надоело. Решила немножко прогуляться.

Игорь усмехнулся.

— Я смотрю, у вас тоже «душа болит о производстве», работа покоя не даёт?

Алла согласилась:

— Ничего не поделаешь, бизнес есть бизнес. На любом отдыхе хотя бы час нужно отрывать от «потехи», иначе можно, вернувшись, даже разбитого корыта, вместо наработанного да накатанного процесса, не застать. Кстати, я тут в Минск собралась прокатиться, на машине. Могу прихватить за компанию. Нет желания?

— Нет, — поспешил отказаться Игорь. — Ни желания, ни настроения.

— Заметно. Что-то, как вижу, не веселы вы сегодня, вещий Игорёк. Не удалось «отмстить неразумным хозарам»? Или там, у Александра Сергеевича, Олег «вещим» был?

Мальгин вздохнул:

— Да нет, устал просто. Бассейн, процедуры. Ничего, дома, в России, отдохну.

Нартова расхохоталась.

— Понятно. Вот вы мне в прошлый раз целый роман рассказали, а хотите — я вам сегодня совсем маленькую историйку поведаю? Тоже сюжет, затёртый до дыр. Копал-копал тут один «кропатель», да такую бабёнку нарыл — с какой стороны ни посмотри, загляденье просто. Пару дней зажигал с ней так, что сосны вокруг тряслись, а потом вдруг пропала любимая, даже не попрощавшись перед отъездом. Такие они, женщины сейчас: на редкость коварные существа. Сердце разбила кропателю-копателю и отчалила неизвестно куда.

Игорь помрачнел.

— Ясно. А я-то всю голову сломал. Ваша работа?

Алла невинно захлопала глазками:

— Да куда уж мне!

Переход был слишком стремительным, Игорь смешался, замолчал надолго, переваривая неожиданную информацию.

— Круто, очень круто, — пробормотал он наконец. — И подло. Ладно, пусть будет по-вашему. Извинения нужны? Пожалуйста, приношу. У меня не было желания в прошлый раз вас оскорблять, я просто отвечал на ваши вопросы.

Нартова сморщила лоб, затем хмыкнула.

— Как это вы… Сразу на попятный. Я думала — ещё копья поломаем, опять гадостей друг другу наговорим, а вы моментально сдались. Неинтересно даже.

Мальгин пожал плечами:

— Что поделаешь, надо уметь проигрывать. В последнее время всё чаще приходится себе эту фразу повторять.

Алла смутилась.

— Да, собственно, впору мне самой извиняться. Погорячилась я, пожалуй. Действительно, работа моя. Нашла я вашей бабульке санаторий не в пример нашей убогой обители: номер одноместный, лечение, условия совсем другие. Она и умотала. Просто мне обидно стало: разговаривали мы, разговаривали, а вы так легко переметнулись, мной пренебрегли. И ладно бы молодуха какая-нибудь, а то — как и подруга ваша, с которой вы в номере соседствуете: под пятьдесят, наверное! Что-то во мне не так? Секрет не откроете? Только честно, правду-матку, как в прошлый раз. Или, может, вы геронтофил?

Мальгин поразмышлял некоторое время, затем вздохнул:

— Хорошо, пусть будет по-вашему, но только одно условие: женщин моих, вне зависимости от их возраста, вы больше не трогаете. Я ведь тоже человек, зачем портить мне отдых?

— Нет проблем, — согласилась Нартова. — Итак, я вся внимание.

Игорь пожал плечами.

— Романа на сей раз не получится. Как и у вас — даже на рассказ сюжет не вытягивает. Тряпки, обувь вашу только женщины здесь готовы в лупу рассматривать. Для мужиков вы на вид — всего лишь офисная мымра. Вот только в фильмах они прихорашиваются, преображаются — и сразу под венец. В вашем случае превращения почему-то не произошло. Царевна лягушкой так и осталась. Вот Лизонька моя, хоть и в самом деле за пятьдесят, конфетка была. Толстушка, хохотушка, а уж до дела дойдёт — неугасимый огонь. Чего ещё, спрашивается, нашему брату надо? Я ответил на ваш вопрос?

Алла, помрачнев, кивнула:

— В принципе, да, но кое-что с прошлого раза осталось. Тяжело тогда слушать было: столько я врачей, специалистов разных обошла, с какими только казановами доморощенными романов скоротечных ни крутила, а тут какой-то сморчок-старичок в пять минут все мои загадки решил. И что мне делать теперь? Согласиться на какого-нибудь суррогатного малышакрепыша, а то и двоих или троих, как моя знаменитая тёзка? Или и дальше принца искать?

Мальгин вздохнул.

— Сложный вопрос. Одно из пяти моих образований — медицинское. Буквально, только не смейтесь — фельдшер-акушер. Так что хочу сразу предупредить: в вашем возрасте первый раз рожать — чистейшей воды безумие. Хотите конкретнее? Начинаю загибать пальцы. Мертворожденный младенец — раз, сами запросто можете коньки отбросить — два, во всех случаях бесследно для здоровья такой фокус не пройдёт — три. Какие именно осложнения возможны, перечислять не стану: пусть сюрприз будет, так интереснее. Насчёт других вариантов… Суррогат — он и есть суррогат, особенно не советую брать ребёнка из детдома. Там чудес точно не бывает. Генетика — наука серьёзная. Передовые технологии? Та же лотерея. Выход один — влюбиться, да так, чтобы башню снесло, и родить от любимого человека. Бог всё устроит. Главное, что вы должны знать, — молодая девчонка может забеременеть от любого мужчины, а у зрелой женщины зачатие происходит не там, внизу, а здесь, — Мальгин постучал себя пальцем по лбу, — в голове. Поймёте, всё у вас как по волшебству сложится, не поймёте — и бизнес, и здоровье навсегда можете потерять. Но есть и другие проблемы. Сейчас вы хищница, с трудом, но держите империю свою в руках, ребёнок вас расслабит. Да и одно воспитание не поможет. Нужна порода. Вот как у кошек, собак. Хотите хищника? А есть уверенность, что собственный сын вам потом глотку не перегрызёт? Не хищника? А воспитание его кому доверите? И понравится ли ему в итоге хищница-мать? Со всех сторон конфликт. Вы с других пример не берите: не получится у кого-то актёрской или певческой династии — не трагедия, а вот у вас… Один неверный шаг, и все ваши усилия, страхи, жертвы на алтарь Молоха — всё псу под хвост улетит.

Нартова покусала губы в задумчивости.

— Что-то уж больно суровая картинка получается. Да и общие слова одни, нужны подробности. Как вы смотрите на то, чтобы нам помочь друг другу? Вы мне морально, я вам материально. Можете ко мне переселиться, не хотите — в соседнем, правительственном, санатории, куда вы на танцы ходите, для вас отдельный номер сниму. Можно и поближе к Минску, в какие-нибудь «Криницы», переехать. Там тоже и условия проживания, и лечение гораздо лучше, что, как я понимаю, для вас отнюдь не безразлично. Докучать особо не стану, развлекайтесь, как и с кем угодно, просто скука здесь смертная, не помешал бы задушевный разговор.

Мальгин ухмыльнулся:

— А какой смысл? Мы с Лилькой давно помирились. Работаем по графику, как вы в прошлый раз советовали. Кстати, она мне Лизоньку и сосватала. Так что и люкс без надобности. Да и рановато вы сдались, тут обновление чуть не каждый день происходит. Приезжают, уезжают люди, найдётся ваш принц, куда он денется? Ну а если всерьёз, ничего нового я вам не скажу: хоть до дыр простыни под собой изотрите, ничего не получится. Для начала вам нужно сердце расковать и «башню» перезагрузить.

— Сложный процесс, — Алла покачала головой. — Тем более что это, опять же, всего только слова. Хотелось бы, повторяю, больше конкретности. Вот вы сами, к примеру. У вас ведь проблем ничуть не меньше, чем у меня. Ищете человека по сердцу, а простой вещи не понимаете. Семья без денег не семья. Не пора ли перестать дурью маяться: забросить свою писанину, перейти куда-нибудь на хорошо оплачиваемую работу? Что, с трудоустройством проблемы? Могу помочь, мозги, надеюсь, не засорились ещё? Появятся деньги — появится и пара для совместной жизни. Хоть напоследок в счастье и любви поживёте. Что, я не права? Я вот тут с вашей лёгкой руки в интернете немного полазила. Даже пару-троечку ваших вещиц сподобилась почитать, но больше всего меня поразила одна фраза, которую вы у Тургенева откопали: «Ничего не может быть легче, как влюбить в себя какую угодно женщину: стоит только повторять ей десять дней сряду, что у неё в устах рай, а в очах блаженство и что остальные женщины перед ней пустые тряпки, и на одиннадцатый день она сама скажет, что у ней в устах рай и в очах блаженство, и полюбит вас». Вот слышала я такое выражение: «тургеневская девушка» — и предполагала в ней какой-то необычайный идеал, а здесь столкнулась вдруг с «тургеневской женщиной», и уважение к Ивану Сергеевичу у меня как ветром сдуло. Думать о нас так, как будто мы последние дуры? Это каким же идиотом надо быть? Классик, называется.

Мальгин с трудом удержался от зевка.

— Вот видите, как хорошо? Вы уже и в литературе, и в жизни разбираться стали. Главное — начать. Так что я вам совершенно не нужен, и без меня решите все свои проблемы. Удачи вам!

3

Лиля была вымотана бурно проведённой ночью, ей нестерпимо хотелось спать, и вместе с тем оставить без внимания поступок Игоря она никак не могла.

— Не понимаю. И что, ты так легко сдался? Уезжаешь на неделю раньше срока — и из-за кого? Какой-то жалкой бабёнки, страшной, старой, закомплексованной? Там, в Москве, у себя на фирме, спорить не стану, она, может быть, и королева, но здесь — никто: и звать никак, и родом ниоткуда. По ней вообще психиатричка плачет — такие тараканищи в голове.

Мальгин вовсе не расположен был к обстоятельному разговору: времени было в обрез, да и настроение не самое подходящее.

— Лилёк, тут тема долгая, мы лучше спишемся. Просто я открыл для себя за последнюю неделю столько нового! Пришла пора перетряхнуть немного свою жизнь. А человек этот мне сильно мешает, отвлекает от важных мыслей. Да и пора подписывать новый договор с издательством, а я в полном раздрае.

Игорь мельком взглянул на Лилю и обнаружил, что та давно заснула под его «колыбельные рассуждения». Но, даже выйдя из номера и плетясь к автобусной остановке, он никак не мог остановиться в своих размышлениях. Кто он сейчас? Трус? Или, наоборот, человек, чудом избежавший смертельной опасности?

Мальгин до сих пор не мог понять, как так получилось, что он проснулся с Примадонной в одной постели? И та дурацкая записка, которую он ей оставил: «Генрих Манн „Дело чести“». Господи, кто сейчас знает, помнит такого писателя? И почему его, Игоря, столь поразил в своё

время выход, который герой рассказа нашёл, не желая расставаться с жизнью на нелепой дуэли? Просто собрал вещи и уехал рано утром в другой город. Как и он сейчас — сбежал.

4

Презентация закончилась, пора было ехать домой. Игорь вздохнул с облегчением. Рука совсем затекла, сколько же он дал сегодня автографов? Дела шли прекрасно и у всех его коллег. А ведь ещё год назад их команда была никому не известна.

— Игорь Анатольевич, вы уже уходите? — раздался вдруг позади голос.

Мальгин машинально потянулся было за авторучкой, но тут же убрал её. Примадонна! Ну как же, давно не виделись! Игорь вспомнил унылый берег озера Нарочь, санаторий, в котором он так неудачно поселился.

— Да, — кивнул он, — пора. Надо спешить на электричку. Как ваши дела, Алла Дмитриевна? Всё нормально?

Алла усмехнулась.

— Вполне. Что у меня может случиться? А вы, как я погляжу, процветаете?

— Я бы не сказал, — вздохнул Игорь. — Но, кажется, что-то начало получаться. Нас заметили, читают, и довольно активно. Ну а по сути — я всё тот же «кропатель-сетевик».

— Скромничаете, Игорь Анатольевич, — с ехидцей покачала головой Алла. — Даже я наслышана о ваших подвигах. Кстати, я как раз еду в вашу сторону, в Коломну, могу подбросить.

По прошлому опыту Мальгин понимал, что «липучка» от него не отстанет. Хоть и почти три года прошло с их встречи, но эпизод был яркий, прочно отпечатался в памяти. И лучше всего было не отбрыкиваться, а сделать хорошую мину при плохой игре.

— Повезло мне, ничего не скажешь. Конечно, Алла Дмитриевна, буду очень признателен. Ребята что-то меня потеряли. Сюда привезли, а обратно — забыли.

Они вышли из помещения «Библио-Глобуса», самого большого из книжных магазинов Москвы, дошли до парковки. Opel Astra. Куда, интересно, делся прежний Land Rover?

— Джип продала, — усмехнулась, читая мысли Игоря Прима, — в моём новом положении надо быть скромнее.

— Что, разорились? — без тени насмешки, исключительно из вежливости, поинтересовался Мальгин.

— Сейчас покажу, — проговорила Алла всё с той же загадочной усмешкой на лице.

Она открыла заднюю дверцу, и Игорь увидел там очаровательного карапуза в автосиденье. Рядом обосновалась няня, пожилая женщина с безразличным выражением на лице.

Игорь сел впереди, пристегнулся.

— Едем на дачу, побудем там, как обычно, в выходные. Долго выбирала, но лучше вашей Коломны так ничего и не нашла. На берегу Оки, меньше, чем в двух километрах от вашего дома. Как вам, кстати, мой сюрприз?

— Прелестный мальчишка! — Игорю даже не надо было притворяться. — Не дёрганный, любознательный, и уже чувствуется воспитание. Чужого дядю не испугался и в то же время не навязывает внимание. А у вас, смотрю, появилось время для личной жизни? Выходные, дача, раньше такое и представить себе было невозможно.

— Следую твоим советам, — неожиданно перешла на «ты» и переменила тон Нартова. — Работать продолжаю, хотя прежний бизнес продала, как только почувствовала, что беременна. Но и батрачить ни на кого не захотела — моё кредо. Сейчас совсем в другой сфере заправляю. Много занимаюсь инвестициями, ну а в основном переключилась на медицинское оборудование.

— Как муж?

— Объелся груш. Ты прости, Игорёк, как же ты дитятко-то своё не узнал? Вроде как голос крови, сердечко должно было ёкнуть. Знаешь, я долго ждала нашей встречи. Сразу оговорюсь: никаких претензий к тебе — наоборот, миллион благодарностей. Разумеется, сначала я была просто ошеломлена. Никак не ожидала, что в своём возрасте ты на такие вещи ещё способен, ну а чтобы вот так сразу, с одного выстрела — да такого очаровашку замесить… Тут только чудо, по-другому никак не объяснишь.

Игорь ошеломлённо молчал, только молил судьбу: «Чушь какая-то! Господи, сделай так, чтобы это была всего лишь шутка!».

Снова прочитаны мысли. Его, как видно, понимали теперь без слов.

— Нет, не шутка. Не надейся.

Мальгин устал после презентации, переговоров с оптовиками. В электричке он непременно сел бы сейчас к окошку и вволю подремал. Скоростные поезда он не мог себе позволить, ездил на прежних, тихоходных, чтобы за проезд поменьше платить. А тут вот попал в клетку. Какие-то объяснения, выяснения отношений, когда это было?

— Ладно, давай ближе к делу. — Нартова поняла его состояние и решила не терять времени даром.

Мальгин оглянулся на няню в последней надежде, что не станет Примадонна объясняться при чужом человеке. Но чтение мыслей продолжалось.

— Ничего страшного, Вера Алексеевна нам не помешает. Я достаточно хорошо ей плачу. Просто я в последнее время потеряла тебя из виду. Ну, знаешь, когда-то в моём распоряжении была целая служба безопасности, сейчас всё гораздо скромнее. Но, как я думаю, ты по-прежнему одинок, поскольку никаких гонораров до сих пор не получаешь, а подрабатывать в твоём положении сейчас, когда приходится выстреливать книгу за книгой, было бы смерти подобно. Я имею в виду, творческой смерти.

Да, первый сюрприз. Долго человек готовился, было время. Продумал каждый ход, слово, ну а вот он застигнут врасплох. Что ж, экзекуция так экзекуция.

— Понятно, — пробормотал Игорь, — мой так называемый «успех» — твоя работа? Подло, очень подло.

— Кто бы говорил, — мрачно усмехнулась Прима. — Ты знаешь, у меня не было бы к тебе никаких претензий, правда, я бы тебе всё простила, если бы не одна маленькая деталь: твоя записка. «Генрих Манн „Дело чести“». Сейчас с твоей стороны дело чести — сделать так, чтобы у твоего сына, Ванечки, был отец, его отец. И ему наплевать на нашу разницу в возрасте и на все твои принципы, какие-то мифические обязательства перед господом богом. Ещё ему очень сестрёнка не помешала бы. А что ты мне написал? О каком-то слизняке, который испугался дуэли, чтобы шкуру свою сберечь? Ну вот уехал бы ты сам, как все порядочные люди: попрощался, в щёчку поцеловал. Или вообще, просто смотался, без всяких объяснений. Ты на что рассчитывал? Что я прощу тебе это унижение? Да я с первых же дней начала выстраивать планы мести. Какое твоё самое уязвимое место, ахиллесова пята? Тут и искать не надо, ты весь как на ладони. Творчество. Вот я и решила по нему ударить. Да так, чтобы ни к чему придраться нельзя было, внешне всё выглядело как верх благородства.

Мальгин лениво огляделся по сторонам. Пробки, проклятые пробки. Вечер пятницы, «лучшего» времени для поездки за город не придумаешь.

— Пробки, да, пробки! Я, конечно, завтра с утра пораньше предпочла бы выехать, — кивнула Нартова. Мальгин уже не удивлялся эффекту телепатии, как-то само собой установившемуся между ними. Интересно, надолго ли? Не дай бог — навсегда. — Но хотелось посмотреть, как ты хвост распускать будешь. Потешить своё самолюбие. Уж прости. Сама я тебя до сих пор толком так и не читала, но заказала все твои книги, изданные в Канаде, даже наняла специалиста, поскольку простой читатель в таких вопросах не арбитр. Надо сказать, тот очень удивился, что с таким солидным багажом и сложившимся профессионализмом ты до сих пор

никому в России не известен. Так и написал в заключении своего многостраничного отзыва (внутренняя рецензия, так у вас это, кажется, называется): «Не классик, конечно, но, несомненно, профи». Что оставалось дальше мне, не одну собаку съевшую в бизнесе? Тем более что у тебя же самого я вычитала рецепт: «Творчество — такой же бизнес, как и все остальные. Пока вы кропаете (малюете, ваяете) что-нибудь для себя, это ваше личное дело, но если вы хотите вынести свою рукопись (картину, скульптуру) на суд читателей (ценителей, знатоков), то она становится обыкновенным товаром. И уж тогда не зевайте — пусть люди смеются над вами, наживаются на вас — сколько угодно, только не дайте им себя обмануть».

Какие ещё были проблемы? Найти идущее ко дну издательство, заинтересованное в новом, крепком авторе? Подобрала без труда, с помощью того же консультанта. Не стала заниматься благотворительностью, спонсорством, предпочла инвестирование, весь риск пообещав взять на себя. Так и появился писатель Игорь Мальгин. Что называется, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Или, если цитировать классиков, сбылась мечта идиота. Ну и как наш идиот — счастлив?

— Вполне, — спокойно ответил Игорь.

«Господи, — подумал он, — а ведь права была Лилька: действительно, бабёшка-то наша явно не в себе. Не тараканы даже в голове, а настоящие тараканищи. И что мне остаётся? Только изображать из себя совершенно раздавленного, убитого горем человека?»

— Да, страшна женщина в мести. Подло, на редкость подло. И что теперь? Мы по нулям или и дальше мстить собираешься?

— Собираюсь, — кивнула Алла, — всё начатое надо доводить до конца, так меня жизнь приучила. Вываляю в дёгте с ног до головы. И смерть не спасёт. Права ты сдуру сразу на десять лет продал. Так что, считай, теперь моё издательство тебя похоронило. Больше ни одной странички твоей не издадут. Все книги, которые ещё не распроданы, выкуплю и уничтожу. А знаешь, что такое негласный «межиздательский чёрный список»? В курсе, конечно, ты ведь и в самом деле профи у нас. Так вот, считай, что ты внесён туда на веки вечные. Может, на Канаду надеешься? И там тебя достану, акции у твоих благодетелей выкуплю. Дошло, наконец? А теперь пошёл вон из моей машины! Сам в свою вонючую берлогу как-нибудь доберёшься.

5

Поспать в электричке Мальгину так и не удалось. Трудно было поверить в такой вариант развития событий, но можно было и к гадалке не ходить: всё сбудется, как ему только что предсказывали. Был такой писатель Игорь Мальгин, и не стало его. Выдавят с позором не только из Союза писателей, но даже с ведущих литературных сайтов. Действительно, страшна женщина в мести. Пусть даже повод к ней не стоит выеденного яйца. И нет у Примы в голове никаких тараканов, один холодный, убийственный расчёт. В данном случае он сам — клиника, а она — норма. Просто человек опустился до пещерного уровня, как и многие другие сейчас вокруг. Все дела люди привыкают, да привыкли уже, решать дубиной. Причём уродина эта, как ни странно, неравнодушна к нему. Но по-своему, по-пещерному. Игорь с содроганием вспомнил их «ночь любви» в санатории. Не просто бревно, вообще ноль.

Больше всего было жаль, естественно, мальчишку. Он-то в чём виноват? Но отравит заботливая мамаша ему не только детство — потухнут быстро смышлёные глазки — а всю жизнь. Такие дети вырастают обычно покорными, инфантильными и либо холостяками навсегда так и остаются, либо сразу попадают первой встречной-поперечной хищнице, не траво-, а отравоядной, под каблук. Но и это не всё. Жизнь семейная, если состоится, быстро превратится в ад. Как в том анекдоте: тёща — всего лишь комедия, вот свекровь — трагедия.

Ладно, раз так сложилось, что он может сделать? Ни-че-го. Хотя нечего и бояться. Здесь, в России, его всё равно не издают, а до Канады дотянуться — руки коротки, хоть ты Мадонна-Примадонна!

Наутро Игорь понял: нельзя сдаваться. Мальчонку нужно спасать. Конечно, полное враньё, что речь идёт именно о его «продукции». Был конь, да уездился. Однако пацан не должен страдать. Мальгин сам вырос безотцовщиной, но чудом спас себя, вывернулся и сыновей своих уберёг от этого комплекса. Снохи, дети, внуки, все на редкость дружно живут.

Номера телефона у него не было, но тот район, который Алла назвала, он знал досконально. Что оставалось? Доехать на трамвае, спросить конкретное расположение участка у председателя садового товарищества. Через пару часов, подтянутый, свежевыбритый, он уже стоял у ворот двухэтажного особняка с высоким забором.

Удивилась, не удивилась? Не ожидала, конечно, но виду не подала. Что-то хотела сказать презрительное, насмешливое, но Мальгин упреждающе выставил вперёд ладонь.

— Стоп! Может, перезагрузим наши отношения? И начнём выстраивать их заново, по-человечески? Жениться? А что, я не против. Сестрёнку замесить? Ну, если Боженька подсобит, почему бы и нет? Встретишь человека помоложе, по сердцу, разведёмся, как-нибудь переживу. Главное, чтоб дети одни не остались. Ну а если дело нормально пойдёт, слетаем через года два-три в Канаду, познакомим наших ребятишек с их братиками и сестрёнками в Торонто и Монреале. Выделять я никого не стану, права на мои книги будут принадлежать всем в равных долях.

Алла всё-таки не удержалась от усмешки.

— Что, испугался? Ладно, не трясись, живи, как жил, отпускаю. Зачем тебя насильно впрягать? Главное, что пришёл, извинился. А повинную голову, как известно, меч не сечёт. Ну а пока будь, как дома. Сколько же можно пахать без продыха? Я до сих пор в себя от счастья не могу прийти, что появилась возможность вот так отдохнуть с ребёнком, на пляж пойти искупаться, нормальным, не московским, воздухом подышать. Там, у себя, в провинции, зубрила до посинения, чтобы на золотую медаль выйти, потом в институте параллельно сразу устроилась бухгалтером в одну фирму, ещё шила платья модницам, вроде неплохо получалось, так что родители за мою учёбу ни копейки не платили, всего одна, вот этими ручонками да мозгами, добилась.

Игорь и сам был рад возможности хоть немного расслабиться. Особнячок был что надо, даже мебель вся шведская, известной фирмы. Сын потихоньку привыкал к отцу. Ночь посвятили «строганию сестрёнки». Идиллия!

Перед тем, как уезжать, Алла выдала Мальгину резюме:

— Я вполне серьёзно насчёт обнуления. Злость прошла. Ну а если и в самом деле надумал, свадьба в Москве, скромненько, без размаха, но совсем обойтись без неё нельзя, коллеги не поймут, да и мне самой хотелось бы в белом платьице покрасоваться. В будни будем жить врозь, в выходные семья должна быть в полном сборе. Праздники, отпуска, турпоездки — нужно детям мир показать, да и сама я нигде не была ещё. Я понимаю — одичала я, да и характер у меня не сахарный, но буду стараться, ты только в душе не таи, режь, как обычно, правду-матку. Скайп, телефон ежедневно. И ещё — постарайся чаще бывать здесь, тут тебе все условия для работы, да и мне будет спокойнее. А на пенсию выйдешь — занимайся сколько хочешь своей литературой. Я уже поняла: если хорошие деньги в тебя закачать, с лихвой затраты вернутся.

Дома, придя в себя, Мальгин приуныл. Он и предположить не мог, что так тяжело ему будет обязанности раба домашнего исполнять. И станет ли птичка дальше петь, уже в клетке? Ночь особенно выбила его из колеи. Не просто нелюбимая женщина рядом, а настоящая жаба. Одна его знакомая так прямо про свою семейную жизнь и говорила: «Вроде живём душа в душу, а как спать ложиться, будто серпом по одному месту».

Стерпится-слюбится… Зачем обманывать себя? И не стерпится, и не слюбится. Никогда. Скрыть такое невозможно. Что дальше? Ревность, злость, жизнь в ошейнике, на поводке. Зачем ему это? Конечно, порыв благородный насчёт якобы сына, но не слишком ли тяжёлую ношу он собирается на себя взвалить?

«Дело чести»… Господи, сколько лет он по краю пропасти ходил: и телефон постоянно прослушивался, и за границу ни-ни, привод за приводом в компетентные органы. Мордовия с её лагерями — так просто обрыдалась по нему. Но балансировал как-то, уходил от беды. И что же? Один только раз гордость взыграла, а загубила дело всей его жизни?

А может, и вправду, как только пенсия подоспеет, не спешить уходить с работы, ну а выпрут — в сторожа или дворники податься? Появятся денежки, устроится худо-бедно личная жизнь. Или опять дело чести? Ничего ведь не осталось больше, кроме неё, за душой. Разве что та девчонка, которая захаживает иногда к нему, в глазки заглядывает?

Игорь открыл злополучный файл в компьютере и скривился, как от зубной боли. «Эва»… Сколько раз уже он подступался к этому замыслу и с побитым видом, как шелудивый пёс, прочь уползал? Ну кто сейчас станет читать «роман в письмах»? «Убитый» жанр. Да и потом, Бальзак ещё куда ни шло, а вот любовь всей жизни именитого Оноре — польскую аристократку Эвелину Ганскую — кто-нибудь знает, помнит сейчас?

Студентку филологического факультета МГУ посылают на год по обмену во Францию, аж в саму Сорбонну. Она на седьмом небе от счастья, так хочется им поделиться, но с кем? Конечно, с любимым, пусть практически никому не известным, «кропателем-сетевиком». Так появляется Эва (ник). Кстати, у Ганской тоже вначале был никнейм — «Чужестранка».

Разумеется, никто такую вещь не издаст, разве что всё в том же благословенном Квебеке, и даже на литературных порталах читать не станут. Но, как бы то ни было, выход, пусть временный, найден. Боженька, спасибо тебе!

Часть вторая

Эва и Мастер

Эпистолярий

Старушка

Шутка

Шёл я утром
Босиком,
Вдруг старушка
За углом.
По башке мне топором —
И бормочет:
«Он, не он?
Нет, опять не Родион!»

* * *

3. Эва — Мастеру

Париж

Я долго думала, повторить ли мне первую попытку. Не скрою, было очень обидно, что она закончилась неудачей. Мой восторг, признания — всё оказалось безжалостно перечёркнуто предельно вежливым, быстрым и точным ответом, который, однако, не оставлял никаких надежд на продолжение нашей переписки.

Действительно, кто я? Уж понятно: не ясновельможная польская пани, сказочно богатая, невероятно красивая. Что вообще во мне может представлять для Вас интерес? Ни жизненного опыта, ни эрудиции, ни уж тем более женской привлекательности. Обыкновенная начинающая «филологиня». Но Ваш рассказ… Последний. И в самом деле последний? Сколько времени Вы уже ничего не публиковали? Полгода? Или я что-нибудь пропустила?

Боюсь показаться навязчивой, но хочу задать вопрос, который Вам и без меня сотни раз уже задавали: «Фанатка» — выдумка или в ней описаны действительные события? Смущает вообще Ваша манера письма: «всё на продажу» (я даже специально пересмотрела фильм Анджея Вайды с таким названием) — предельная документальность и даже автобиографичность, где только возможно, но здесь Вы определённо себя превзошли.

Реакция соответственная. Вас вообще не балуют из-за Вашего несносного характера, но никогда я не встречала в комментариях на Ваши произведения столько яда. Собственно, чему удивляться? Вы вдруг предстали во всей наготе — зрелище получилось не из приятных. Не понимаю, как Вы могли на такое решиться? Раньше Вы были общепризнанным кумиром женщин. Не боитесь, что растеряли сейчас половину своих поклонниц?

«Или опять дело чести? Ничего ведь не осталось больше, кроме неё, за душой. Разве что та девчонка, которая захаживает иногда к нему, в глазки заглядывает?»

Когда я пробежала взглядом эту фразу, сердце моё обожгло горячей волной. «Неужели?» — робко подумала я тогда. Ну а уж после того, как с сюжетом романа познакомилась (*«Студентку филологического факультета МГУ посылают на год по обмену во Францию, аж в саму Сорбонну. Она на седьмом небе от счастья, так хочется им поделиться, но с кем? Конечно, с любимым, пусть практически никому не известным, «кропателем-сетевиком»),* во мне созрела твёрдая уверенность, что теперь мы связаны с Вами навеки и Вам без меня Ваш новый замысел никак не воплотить.

Теперь ближе к делу. Вы, надеюсь, помните, о чём я Вас просила в том памятном первом своём послании? Мой преподаватель предложил тем из нас, кто пожелает, в качестве курсовой работы написать исследование о нескольких самых крупных и значительных литературных порталах интернета. То есть сначала сделать общий обзор (первая глава), а затем подробно охарактеризовать творчество кого-нибудь из наиболее ярких, на наш взгляд, представителей этого загадочного, мало известного даже в сугубо литературных кругах мира, выбрав для этой цели поэта, эссеиста или беллетриста по принципу крохотного ПЕН-клуба (Poet, Essayist, Novelist). Я выпросила себе прозу и без долгих раздумий выбрала для уже не обзорной, а конкретной второй главы Вас — моего самого любимого, но совершенно не читаемого и не издаваемого в России романиста-сетевика.

Как это обычно принято, начала я с того, что основательно прошлась по Вашей биографии, затем скупила все Ваши книги, что мне никак не удавалось сделать в России, поскольку они издаются в Квебеке. И теперь, вкупе с рецензиями и комментариями Ваших многочисленных читателей и поклонников в Рунете, я имею полную возможность заняться дотошным разбором Вашего творчества. Однако что такое курсовая работа? Всего только 20—25 страниц текста, из которых конкретно Вам будет посвящена лишь половина. Я, конечно, без

труда напишу её, но как втиснуть в 10—15 страниц дюжину одних только Ваших романов в самых разных жанрах, начиная от любовного и кончая нон-фикшн, не говоря уже о повестях, рассказах, многочисленных эссе? И что я почерпну в итоге лично для себя? Поэтому я решила параллельно поучаствовать в написании задуманного Вами романа «Эва».

Я не могла поступить иначе. Тем более сейчас, когда у меня появился «золотой ключик»: рассказ «Фанатка», поразивший меня в самое сердце. Я выбрала из комментариев к нему с десяток вопросов, которые глубоко затронули не только Ваших читателей, но и меня лично. Надеюсь получить на них обстоятельные, буквально по полочкам разложенные ответы, а не те отписки, которыми Вы обычно так любите отделываться. Ну что, поработаем?

Эва

4. Мастер — Эве

Коломна

Да, мой русско-французский ангел, интуиция не подвела Вас, работа над новым романом, о сюжете которого я кратко поведал в своём последнем (тоже надеюсь, по времени) рассказе, действительно началась.

Если честно, у меня и в проектах не было, что я когда-нибудь возьмусь воплощать этот самый свежий и сырой из своих замыслов. И сюжетов других пчелиный улей, да и кому вообще может быть интересен по нынешним меркам роман в письмах? Воистину совершенно «убитый» жанр. Кто станет читать, а тем более решится издать его? А уж если вспомнить о великих образчиках прошлого: переписке Оноре де Бальзака и Эвелины Ганской, «Опасных связях» Шодерло де Лакло, «Письмах португальской монахини», «Бедных людях» Фёдора Достоевского — опозориться лишний раз? И тем не менее… Я вспоминаю, какое потрясение испытал, держа в руках письмо аж из самого Парижа. С красивыми марками, тонким запахом каких-то необыкновенных духов и подписью: «Парижанка». Какой контраст с электронными посланиями, которые я получаю ежедневно десятками. Так возник замысел, он просто не мог не появиться. Бальзак — мой бог, а его роман с Эвелиной Ганской я часто анализирую в своём сознании, но так и не могу понять до конца. Соблазн сделать ещё одну, на сей раз куда более основательную, попытку был слишком велик.

Что я хотел сказать сейчас своим витиеватым изложением? Всего лишь обрисовал процесс рождения замысла очередного произведения в воображении писателя, как раз до того момента, когда, как у А. С. Пушкина в стихотворении «Осень», «и мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы лёгкие навстречу им бегут…»

«… Всё оказалось безжалостно перечёркнуто предельно вежливым, быстрым и точным ответом…»

Не обижайтесь, что я сейчас не просто многословен, а даже болтлив. Сами так захотели.

«Действительно, кто я?»

Я пропускаю Ваш столь самокритичный автопортрет, так как не нахожу в нём ничего, кроме чистейшей воды женского кокетства.

Но вот рассказ — тут парой вежливых фраз не отделаешься.

Тем более с учётом списка тех «обстоятельных» и неотложных вопросов, которые Вы мне задали.

Да, я и в самом деле уже несколько месяцев не выкладываю ничего нового из своих произведений в интернете. Просто нет времени. Чем занят? В основном привожу в порядок своё творческое наследие.

«… Предельная документальность и даже автобиографичность…»

В данном случае Вы показали себя образцом деликатности. Один профи, которого я очень уважаю, без эвфемизмов после публикации «Фанатки» обозвал меня «самоедом». Сначала я обиделся на него, а затем сделал для себя неожиданное открытие: оказывается, я всю жизнь пишу исключительно о себе и для себя. Что делать? Так сложилась моя творческая то ли прямая, то ли кривая. Когда у писателя нет в достатке читателей, он должен либо прекратить графоманить, либо копаться в своей личности до самозабвения. Я выбрал второе.

«Фанатка» — выдумка или в ней описаны реальные события?»

Нескромный вопрос. Такой же, как: «А был ли мальчик?». Любой писатель всегда использует в своих произведениях какие-то эпизоды, выжимки из личной жизни, но вот чтобы «всё на продажу», я так понимаю, извините за грубость, — это уж когда писать (снимать) человеку творческому совсем нечего, ему не остаётся ничего другого, как только раздеться догола

и показать читателю (зрителю) свой пупок. Именно так, по моему пониманию, обстояло дело и с Анджеем Вайдой.

Однако вернёмся лучше к сюжету. Он долго не выстраивался, до тех пор пока я не решил написать его в какой-нибудь совершенно необычной манере. Лучше всего для этой цели подошёл стиль «натурализм». Отсюда и нарочитый, быть может, даже совершенно излишний физиологизм в повествовании.

«Реакция соответственная…»

Да, Вы всё верно подметили: и насчёт «*наготы*», и, в особенности, относительно «*яда*». Героиня почему-то всех обаяла (впрочем, по-видимому, таков общий удел всех ярких отрицательных персонажей в наше время), продолжает и дальше восхищать, а вот меня самого клянут, как только могут. Самое популярное слово в рецензиях — «предательство».

«Кажется надуманной сама ситуация, неужели и в самом деле потребовалось столько усилий приложить, чтобы элементарно такой надменной и роскошной богачке забеременеть?»

Типично мужской взгляд. Узнаю. Однако в жизни всё гораздо сложнее. Начнём с того, что большинство женщин терпит замужество либо смирилось с одиночеством. Но есть и такие, которые от отчаяния решаются на нестандартные поступки. Я назвал свой рассказ натуралистическим, но на самом деле в данном случае он не ниже реализма, а выше его на структурной литературной лесенке. Реализм рисует типичное, тем самым человека стандартизируя, подгоняя под общепринятый, привычный для восприятия, шаблон, я же в последнее время всё больше тяготею к индивидуальному, нехарактерному.

«Герой безнравственен, меняет женщин, как перчатки, не удосуживаясь заглянуть вглубь, ограничивается лишь физической близостью, что, по всей вероятности, опять же автобиографично?»

Что я могу сказать в ответ? Физиологическую необходимость (я имею в виду именно необходимость, а не потребность) никто не отменял, есть люди, которые подвластны ей до глубокой старости, но она, конечно же, тут я, безусловно, соглашусь с Вами, духовной и душевной близости не заменяет и не затмевает.

«Демонизированная, чуть ли не на грани патологии, Алла».

На редкость удачное, жаль, что не моё, а выловленное Вами из комментариев, определение.

Не знаю, как Вы, но я встречал немало женщин, обуреваемых злобой, ненавистью, ревностью в отношении самых разных (в том числе и «своих») мужчин. К счастью, не у всех у них было в наличии достаточно сил и средств, чтобы воплотить свои эмоции и чувства в реальность. А вот у Аллы есть всё, не говоря уже о том, что она ко всему прочему ещё и бизнес-леди. У меня складывается впечатление, что она далеко не исчерпала себя как персонаж и в финале романа ещё предельно наглядно продемонстрирует свою изобретательность в действии.

И всё же, на мой взгляд, никакой «грани» (пограничного состояния), а уж тем более, патологии в её личности, действиях нет, она во всём знает меру и, решив вдруг дать волю своим эмоциям, всегда умеет вовремя остановиться.

«Изменится ли в дальнейшем Ваше творчество, так неожиданно резко уйдя вглубь и в сторону?»

Думаю, подобный вариант вряд ли возможен, тем более что я сейчас, неожиданно для себя, увлёкся футурологией. Однако что такое рассказ? Судьба малых форм в литературе обычно недолговечна, пройдёт время, и он непременно забудется. Поэтому я и сделал его зачином своего нового романа, так у него куда больше шансов сохраниться.

Я не прощаюсь, во всех случаях твёрдо уверен, что мы доведём задуманное нами дело до конца. И даже мысленно сейчас с Вами на Эйфелевой башне. Была в моей жизни такая, необыкновенной красоты, мечта — побывать в Париже, но не сбылась, к сожалению.

Мастер

5. Эва — Мастеру

Париж

Читаю и перечитываю Ваше письмо. Особенное удовольствие мне доставляет извлекать его из сумочки на людях: в метро, на автобусной остановке, за столиком в кафе. Представьте себе такую картину: у всех на руках смартфоны, планшеты и прочие гаджеты, а у меня конверт, как Вы упомянули, «с красивыми марками». В «столице мира» трудно людей чем-нибудь удивить, но моя маленькая хитрость действует безотказно.

* * *

Я много думаю сейчас: вот мы решили с Вами написать роман, но в чём его интрига? Не только для нас, а главным образом для наших читателей, если они и вправду когда-нибудь появятся.

Любовь? Откуда? Между нами нет ни капли чувства. Вы даже не видели ни одной моей фотографии. А ведь не исключено, что я какая-нибудь бесформенная уродина. Ваши фото на сайтах? Какой они давности? Двадцать, тридцать лет назад сняты?

Дружба? Не слишком ли разные у нас для глубокого духовного общения возрастные категории? Я вижу уйму вопросов, по которым мы просто не в состоянии один другого в достаточной степени оценить!

Литературное исследование? И по нему мы с Вами уже определились: Вы великодушно дали мне на него своё согласие. По сути, единственное, что мне от Вас требовалось.

И тем не менее, пройдя столь долгий путь в своих размышлениях, я, как ни странно, вернулась к его началу. Да, всё-таки Любовь. Но не друг к другу, а к Её Величеству Литературе.

Роман в письмах. Я перечитала много великих образчиков жанра, в который Вы вовлекли меня, и что же я нашла в нём?

Что я не могу быть Вашим соавтором. В лучшем случае — всего лишь помощницей. На мой взгляд, Вы замахнулись слишком высоко с Вашей «Эвой», мешая воедино историю, литературоведение и современную, несущуюся на наших глазах бурным, а оттого не всегда чистым, потоком жизнь. Вы возвращаете меня к тем диспутам, которые постоянно возникали на первом курсе у нас в общежитии, в Московском университете, а также в литературном кафе, где я постоянно тогда обреталась. Но я никогда не испытывала чувства депрессии: правильный ли выбор я в своей жизни сделала, став филологом? С самого первого дня своего пребывания в университете, я постоянно находилась в какой-то тихой, невидимой остальному миру эйфории. И вдруг… встреча с Вами. Совсем не такой я себе её раньше представляла.

Да, вынуждена признаться: я рассуждаю о любви, хотя сама никогда в жизни не любила. Чего я жду от нашего общения? Откровения? Но ведь половина Вашего творчества посвящена столь желанной для большинства читательниц теме. Я хочу, чтобы Вы шепнули мне на ушко то, чего никому ещё не говорили? Такого желания у меня тоже нет.

Мои сокурсницы, в большинстве своём, едва распаковав чемоданы, как с цепи сорвались: начали путаться, при первой возможности и наличии времени, с кем попало. Секс, парни, развлечения — ничего больше у них в голове до сих пор нет. Однако только сейчас, медленно, с большим трудом, я начинаю понимать, насколько упрощённо я раньше воспринимала их поведение. Старость, казалось бы, взирающая на всё с высот «социалистического» жизненного опыта и не менее «комсомольско-партийной» житейской мудрости, совершенно бессильная что-либо изменить своими пустыми, бессмысленными нравоучениями, и молодость, за неимением таковых, не только вступающая на путь отрицания («мы наш, мы новый мир построим»), но и совершенно беспомощная, когда приходится объяснять подросткам, а то и совсем детям, поступки того или иного литературного персонажа, героя. Приходится твердить заученные из

учебника, совершенно непонятные и непригодные для современного человека нормы морали, делая поправку на историю, чтобы хоть как-то вывернуться. Как объяснить хотя бы, почему бросилась под поезд та же Анна Каренина? Бессилие автора? Завёл свою героиню в тупик и так и не нашёл из него для неё выхода?

Другая беда — виртуальная реальность. Я полагаю, что глубокое равнодушие, которое нарастает в мире к Литературе, как раз следствие того, что пищи, псевдодуховной, да и любой, на выбор, и без неё полно в интернете. Томление плоти? Зачем засматриваться на девушек вокруг, искать близости с ними, когда проведи пальчиком по экрану — и любые варианты, от лёгкой эротики до крутой порнографии, тотчас рвутся в наш мозг, минуя сердце и душу? Отсюда и самый большой парадокс: мы беспомощны и в то же время пресыщены. Какое-то представление мы создаём для себя, из лоскутков сшитое, но в результате впадаем в ещё больший грех: сознательно лжём, слишком поздно осознав, что сделали ложь своей профессией, хватаясь за давней давности вроде как безотказно действующие, призванные быть спасительными трафареты.

Однако я слишком отвлеклась, пожалуй.

«Португальские письма». Пять полных глубокой и сильной страсти посланий человеку, который никакой любви к девушке, написавшей их, никогда не испытывал, лишь удовлетворял с ней свою похоть. Блистательный французский офицер, для которого подобные победы — один из смыслов существования. Похвастаться в компании друзей, посмеяться над легковерной простушкой, а завтра снова в бой и, быть может, как итог — пуля в сердце. Что ж, у каждого своя правда. И можем ли мы осуждать его? Но я не верила, не верю и никогда не поверю, что их написала женщина. Обыкновенная литературная мистификация, над которой тем не менее два с половиной века рыдал весь мир, да и до сих пор ещё с удовольствием её почитывает.

Первое впечатление, которое я сама испытала, — был шок. Это любовь? Все мои прежние представления в области «нежных чувств», хоть и довольно скудные, разлетелись вдребезги. Но понемногу я стала приходить в себя. Основой основ вернулась гордость. Женская гордость. Даже Жан-Жак Руссо, который первым усомнился в подлинности захватившего воображение многих его современников бестселлера, главным возражением выдвигал то, что женщина не может писать так хорошо, как мужчина. Я не феминистка, но автор «Юлии, или Новой Элоизы» помог мне понять, на чём зиждется и необычайная популярность книги, и воззрения того, кто в действительности написал её, — на обыкновенном мужском шовинизме. И в самом деле, не могла женщина, тем более монахиня, так глубоко раскрыться, выставить на всеобщее обозрение свои тончайшие интимные переживания. Даже любимому мужчине не всё из них положено знать. Как бы то ни было, именно эта книга подвигла меня проявить себя именно на филологическом поприще, которое показалось мне тогда самым занимательным на свете. Однако сейчас меня, как я уже говорила, всё чаще посещают сомнения: существуют ли они, достойные любви мужчины, вообще и не слишком ли завышенные, в силу своей начитанности, требования я к ним предъявляю? Пока здесь, на курсе, как и год назад в России, меня окружают лишь чрезмерно озабоченные в сексуальном плане «переростки» (парафраз со слова «недоросль»), да юные «мачо» без мозгов, но с накачанными грудами мышц.

Однако я вновь отвлеклась. Снова французский офицер, на сей раз Шодерло де Лакло. В сорок лет он оставил военную службу, чтобы заняться литературной деятельностью. Уже первая книга, «Опасные связи», принесла ему оглушительный успех, однако оказалась единственной удачей. Тогда де Лакло не стал дольше упорствовать, вновь вернулся на прежнюю стезю и дослужился до генерала. Я не воспринимаю эту жемчужинку исключительно как роман в письмах. Просто мировая классика. Не случайно он столько раз уже был экранизирован, всегда имел не только читательский, но и зрительский успех. Вещь совершенно аморальная, однако отрицать её правдивость бессмысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.